

Неизвестный отзыв П.В. Анненкова о комедии А.А. Потехина «Отрезанный ломоть»¹

К.Ю. Зубков, А.С. Перникова

Аннотация: В работе публикуется и комментируется ранее неизвестный отзыв П.В. Анненкова на комедию А.А. Потехина «Отрезанный ломоть», написанный критиком по заказу Академии наук в 1866 г. Пьеса Потехина была подана для участия в конкурсе наград графа Уварова — ежегодной литературной премии, которую вручала специальная комиссия при Академии наук. Отзыв Анненкова представляет интерес и как подробный разбор популярной пьесы, написанный одним из наиболее известных критиков своего времени, и как эпизод из истории премии: Анненков (а также и многие другие эксперты) исходил из очень строгих требований, определенных эстетическими теориями середины XIX в. и мало согласовавшихся с реальностью русской сцены этого периода.

Ключевые слова: литературная критика, драматургия, литературные премии, П.В. Анненков, А.А. Потехин.

Сведения об авторах: Кирилл Юрьевич Зубков; к.ф.н., м.н.с. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, доцент кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского гос. университета; Санкт-Петербург. E-mail: k_zubkov@inbox.ru

Анастасия Сергеевна Перникова; магистрант Санкт-Петербургского гос. университета; Санкт-Петербург. E-mail: anastasya_pernikova@list.ru.

Уваровская премия была учреждена в 1856 г. А.С. Уваровым в память о его отце С.С. Уварове. Премия вручалась в двух номинациях: за историческое исследование и за драматическое произведение. Последний конкурс пьес прошел в 1876 г. За этот период специальная комиссия при Академии наук рассмотрела около 100 драматических произведений². В первое десятилетие существования премии члены комиссии не только сами оценивали пьесы, но и об-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК–2628.2017.6).

² Неточный список см.: *Хартанович М.Ф.* Награды графа Уварова в Императорской Академии наук // Академия наук в истории культуры России XVIII–XIX веков. СПб., 2010. С. 328–330.

ращались к сторонним рецензентам. Практически все отзывы, написанные этими рецензентами, сохранились в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Многие из экспертных отзывов фактически представляют собою развернутые литературно-критические выступления, авторы которых подробно разбирают заказанные им Академией произведения. Эти отзывы очень значимы как для изучения рецепции участвовавших в конкурсе пьес, так и для понимания литературной деятельности самих экспертов, которые в большинстве своем были известными критиками и учеными. В нашей работе публикуется ранее неизвестный отзыв П.В. Анненкова на пьесу А.А. Потехина «Отрезанный ломоть», написанный во время работы премии.

Романист, очеркист и драматург Алексей Антипович Потехин (1829–1908) участвовал в уваровском конкурсе несколько раз. В 1858 г. он подал на премию пьесу «Мишура» (рецензентами были И.И. Давыдов и С.П. Шевырев), в 1866 г. — «Отрезанный ломоть», которую и рецензировал Анненков. Далее Потехин предлагал на премию свои новые пьесы с впечатляющей регулярностью: в 1868 г. — «Виноватая», в 1869 г. — «Рыцари нашего времени», в 1870 г. — «Вакантное место»³. Все эти произведения рецензировал А.В. Никитенко, который в последние годы существования премии единолично писал отзывы на все представленные на конкурс произведения. Уваровской премии Потехин так и не получил.

Павел Васильевич Анненков (1812/1813–1887), известный критик и историк литературы, неоднократно привлекался в качестве эксперта. Впервые он был приглашен оценивать пьесы в 1861 г., когда непрменный секретарь Академии и председатель комиссии по вручению премий К.С. Веселовский в письме от 13 марта предложил ему рассмотреть пьесу П.Д. Боборыкина «Ребенок»⁴. Привлечь Анненкова в качестве эксперта посоветовал А.Д. Галахов, который первоначально должен был рецензировать пьесу и отказался по недостатку свободного времени⁵. Развернутый отзыв Анненкова на пьесу Боборыкина принес рецензенту специальную медаль, которой награждались наиболее впечатлившие комиссию эксперты и которая предполагала денежную премию в размере 500 рублей⁶. Второй отзыв Анненкова, написанный по поручению Академии наук, посвящен драме А.Н. Островского «Грех да беда на кого не живет». На основании отзывов Анненкова и Никитенко драме была

³ См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1858. № 2. Л. 21; Оп. 1–1868. № 2. Л. 14; Оп. 1–1869. № 2. Л. 29 об.; Оп. 1–1870. № 2. Л. 28.

⁴ См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1861. № 2. Л. 19.

⁵ См.: Там же. Л. 18.

⁶ См.: Там же. Л. 5 об.

присуждена Уваровская премия. Сам отзыв был опубликован⁷. В том же году Анненков дал очень краткое негативное заключение о комедии Н.И. и Н.Н. Куликовых «Семейные расчеты» (подробно ее рассматривать критик не считал нужным)⁸, а в следующем — так же немногословно оценил три пьесы А.А. Шапошникова: «Ложное положение», «Ложный взгляд» и «Неровный брак»⁹. Наконец, последний отзыв Анненкова посвящен пьесе Потехина и публикуется в настоящей статье.

Относительной популярности Анненкова в качестве эксперта способствовали разные факторы: во-первых, Анненков относился к своим обязанностям с неизменным вниманием и писал обоснованные отзывы, во-вторых, он был связан с Академией наук, активно публикуясь в академических «Санкт-Петербургских ведомостях», в-третьих, судя по всему, определенную роль могло сыграть участие Анненкова в Обществе помощи нуждающимся литераторам и ученым, в секретари которого он был избран как раз в марте 1861 г., то есть тогда же, когда его впервые пригласили на роль эксперта¹⁰. Анненков был не просто литературным критиком, но и членом писательской организации, через которую Академия могла апеллировать сразу ко всему литературному сообществу.

Десятый Уваровский конкурс был открыт 8 октября 1865 года, на соискание премии было подано 8 пьес. Помимо пьес Потехина и Писемского («Екатерининские орлы»), в конкурсе участвовали трагедия А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», историческая пьеса А.Н. Островского «Воевода», «Слобода Неволья» Д.В. Аверкиева, «Артемий Петрович Волынский» и «Эмансипированная девушка» А.В. Тимофеева и «Песнь о рубашке» К.И. Попова. В заседании комиссии от 14 февраля 1866 г. они были распределены по рецензентам со сроком предоставления отзыва к 1 июня 1866 г.¹¹ 15 февраля Анненков в письме к Веселовскому выразил согласие написать разбор¹². Отзыв Анненкова на пьесу был прислан в сопровождении другого письма к Веселовскому, датированного 30 апреля. Анненков извинялся перед секретарем академии: «...по непредвиденно-скорому отъезду из города, я не успел перебеливать рукопись...»¹³. Рукопись отзыва хранится в том же архивном деле, что и переписка

⁷ См.: Отчет о шестом присуждении наград графа Уварова... СПб., 1863. С. 32–39.

⁸ См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1863. № 2. Л. 42.

⁹ См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1864. № 2. Л. 31–32.

¹⁰ См. его письмо к Тургеневу от 25 марта (6 апреля): *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. 1852–1874. СПб., 2005. С. 104.

¹¹ См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1866. № 2. Л. 19–21.

¹² См.: Там же. Л. 24.

¹³ Там же. Л. 33.

с Веселовским, и действительно содержит значительное количество авторской правки. На основании отзыва комиссия постановила не присуждать премию Потехину; впрочем, остальные участники конкурса также не были удостоены награды.

Сатирическая комедия Потехина «Отрезанный ломоть» для Анненкова связана в первую очередь с проблемой осмысления «публицистической» литературы — вопросом, часто поднимавшимся в статьях Анненкова 1860-х гг. В целом критик относился к литературным произведениям такого рода резко негативно. Анненков осуждал Потехина за искажение художественной правды в пользу предвзятых идей еще в 1854 г., в статье «Романы и рассказы из простонародного быта», где литературная манера Потехина — автора романа «Крестьянка» и очерка «Тит Софронов Козонок» характеризуется так: «Он собственно не развивает характеров художнически, как г. Григорович, а скорее описывает их со стороны, как делает, например, составитель каталога в картинной галерее или размышляющий библиограф при реестре книжных драгоценностей»¹⁴. О пьесе «Отрезанный ломоть» Анненков в резких тонах отозвался сразу после ее постановки в письме к Тургеневу от 19 (31) октября 1865 г.:

В театр русский цивилизация настоящей недели тоже пробралась и притом с дозволения III Отделения. Между тем как чудный, поэтический «Воевода» Островского хлопнулся, что называется, со всех ног, комедия Потехина «Отрезанный ломоть», тупоумная, ребяческая попытка, — производит здесь в Петербурге бешенство восторга единственно за то, что сын ругает что ни на есть хуже мерзейшего отца, а дочь то же делает с пустейшей матерью и вместе покровительствуют крестьянам, прося их надевать шапки в их присутствии. Потехин — герой дня! Потехин — первоклассная звезда! Нельзя удержаться от восклицательных знаков¹⁵.

В своих статьях, однако, Анненков придерживался намного более взвешенных и корректных формулировок. «Публицистическая» литература для него была не просто негативным явлением с эстетической точки зрения, но и характерным признаком современного развития литературы, заслуживающим пристального внимания критики. Так, в статье «Современная русская история в романе И.С. Тургенева “Дым”» Анненков высоко оценил сатирические фрагменты романа, написанные «непосредственно с натуры», чтобы «не упустить резкие черты жизненной правды»¹⁶. В то же время критик об-

¹⁴ Анненков П.В. Романы и рассказы из простонародного быта // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб., 2015. С. 365–366.

¹⁵ Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. С. 178.

¹⁶ Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок. Отд. 2. СПб.: 1879. С. 345. Ср. об отходе Анненкова от собственных

ращал внимание на опасность такого подхода к литературе. Именно тенденциозность и порождаемое ею стремление к «эффектам» стали причинами, по которым он невысоко оценивал пьесу Толстого «Смерть Иоанна Грозного», пользовавшуюся почти всеобщей симпатией критиков-современников и также участвовавшую в Уваровском конкурсе 1866 г.: «Мы [...] весьма склонны думать, основываясь на самой односторонности этого эффектного изображения, что поучение в уме автора “Смерти Иоанна Грозного” было заготовлено ранее самого ядра драмы, что последняя скорее возникла из поучительных целей, чем из прямого созерцания эпохи и истории»¹⁷.

Сложное отношение Анненкова к тенденциозной литературе особенно ярко проявилось в его отзывах на пьесы А.Ф. Писемского 1860-х гг. С одной стороны, Анненков очень резко высказывался о них в том же письме к Тургеневу от 19 (31) октября 1865 г.: «Если бы Аниса Буржуа сошел с ума, да нарезался бы опиумом, да часа два продержали бы его на дыбе — и тот не написал бы того, чем разразился этот несчастный, смешавший трагический элемент с кабацкими преступлениями. И притом все эти ужасы переданы без развития, без характеров, без малейшего психологического объяснения...»¹⁸. С другой стороны, самому Писемскому отношение Анненкова к его произведениям казалось доброжелательным: в конце 1865 г. он просил К.С. Веселовского пригласить именно Анненкова рецензировать свою пьесу «Екатерининские орлы», участвовавшую в Уваровском конкурсе того же года, что и «Отрезанный ломоть»¹⁹.

обычных критических принципов в этой статье: *Панова Л.К.* П.В. Анненков о жанровой специфике романе И.С. Тургенева // *Художественный текст и литературный жанр: Межвузовский научно-тематический сборник*. Махачкала, 1980. С. 115–118; *Ермилова Г.Г., Тихомиров В.В.* П.В. Анненков — литературный критик // *Русская литература*. 1995. № 4. С. 47.

¹⁷ *Анненков П.В.* Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок. Отд. 2. С. 335.

¹⁸ *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. С. 177. Точно установить все пьесы, о которых идет речь, затруднительно, если учитывать плодovitость Писемского-драматурга этого периода и сложную творческую историю его сочинений. Определенно имеются в виду драма «Бывшие соколы» и, видимо, «Екатерининские орлы». Анисе-Буржуа (Anicet-Bourgeois; 1806–1871) — плодovitый французский драматург. Отзыв о его пьесах Анненков дал в одном из фельетонов, вошедших в цикл «Парижские письма» (см.: *Анненков П.В.* Парижские письма. М., 1983. С. 107).

¹⁹ См. письмо от 3 декабря: *Писемский А.Ф.* Письма. М.; Л., 1936. С. 192–193. Ср. в письме к Тургеневу от 8 мая 1866 г.: «...я написал одну трагедию, другую, третью, четвертую [...] один только Павел Васильич Анненков не отпихнул меня от себя и не ругал уж наповал мои произведения...» (Там же. С. 203–204).

Просьба Писемского не была удовлетворена: его пьесу рецензировал Никитенко.

Чтобы понять специфику позиции Анненкова, можно сопоставить ее именно с точкой зрения Никитенко, высказанной в его отзыве на пьесу Потехина. Это сопоставление интересно по двум причинам: во-первых, Никитенко был бессменным и наиболее активным членом комиссии, вручавшей Уваровские премии; во-вторых, его отзыв — единственная серьезная попытка литературно-критического разбора пьесы Потехина, опубликованная в русской прессе. Отзыв Никитенко был резко критическим: по его мнению, пьеса Потехина вообще не заслуживает серьезного обсуждения. Опубликованная в некрасовском «Современнике»²⁰, она воспринимается критиком как наивная апология «новых людей». На этом фоне рецензия Анненкова отличается сдержанностью и попытками обратить внимание не только на недостатки, но и на достоинства разбираемого произведения: критик даже защищает Потехина от упреков Никитенко, сомневавшегося, по Анненкову, в том, что «намерения автора были вполне честны и чисты». Никитенко завершает свой разбор резким заявлением: «По своей основной идее, она [комедия] угрожает той части публики, которая читает ли что-либо, видит ли на сцене, всегда руководствуется в своем одобрении и неодобрении заднею мыслию...»²¹.

Более интересны, впрочем, параллели между позициями Анненкова и Никитенко. Оба они связывали недостатки «Отрезанного ломтя» с театральной природой этого произведения. Никитенко в своей рецензии прямо противопоставил «театр» и «поэзию»: появляющаяся на сцене пьеса, по его мнению, далеко не обязательно должна быть успешной, и именно критик обязан восстановить справедливость:

...самая цель, понятая автором так, как она у него представляется, не включает в себе драмы. Для ней достаточно было небольшого рассказа, или картины. Это и есть картина. Но в таком случае, зачем же он дал ей название комедии? Чтобы представить ее на театре? Но мало ли чего представляют на театре? Драматический поэт обязан ответственностию не перед одним театром, но и перед поэзией?²²

Анненков также отмечал, что «шумный успех на сцене» пьесы Потехина был результатом авторской «вины перед публикой»: художественная слабость произведения оказалась причиной его популярности на сцене.

²⁰ Потехин А.А. Отрезанный ломоть // Современник. 1865. № 10. С. 473–544.

²¹ Никитенко А.В. Три литературно-критических очерка. СПб., 1866. С. 37.

²² Там же. С. 36.

Таким образом, и Анненков, и Никитенко последовательно разделяли сценический успех пьесы и ее художественный уровень; более того, с их точки зрения, критерии сценичности и художественные достоинства оказались мало связаны. Отчасти такая позиция объясняется необходимостью как-то отреагировать на популярность комедии Потехина, с большим успехом шедшей на столичной сцене с 22 сентября по 1 ноября 1865 г.²³ Но здесь была и более глубокая причина. Еще в 1840-е гг. для русских литераторов серьезную проблему представлял вопрос: действительно ли «...драматургия — особая часть словесности, определяемая законами театра не в меньшей степени, чем законами литературы»²⁴. Начиная с 1850-х гг., благодаря усилиям Островского, Писемского и самого Потехина новые пьесы часто обсуждались серьезной литературной критикой на равных правах с повестями и романами. Однако значительный пласт словесности так и оставался сугубо сценическим: пьесы П.А. Каратыгина, Н.И. Куликова и мн. др. авторов ставились на сцене и имели успех, но не только не попадали в сферу внимания литературной критики, но и вообще редко печатались.

Комиссия по вручению Уваровской премии и приглашенные ею эксперты должны были сделать выбор, какими критериями по преимуществу следует руководствоваться при оценке поступивших на конкурс пьес, в особенности тех, что имели успех до выдвижения на конкурс. В целом, решение членов комиссии было однозначным: пьесы нужно было судить по сугубо литературным достоинствам, по возможности не принимая в расчет такие проблемы, как их сценичность, успех у публики и т. п. Очень показательным, что Потехин, подавая свои пьесы на премию, пытался апеллировать именно к постановкам своих сочинений²⁵, однако так ни разу и не удостоился награды, причем в отзывах на его произведения на вид ему раз за разом ставилось их несоответствие эстетическим критериям, на которых основывается жанр драмы. Так, тот же Никитенко в 1870 г. писал о комедии «Вакантное место»: «Для того чтобы быть драмой, ей недостает двух главных качеств — действия и тех страданий, предначертаний, усилий человеческой воли для достижения какой-либо определенной цели, из коих образуются драма-

²³ См.: История русского драматического театра: В 7 т. Т. 5: 1862–1881. М., 1980. С. 490. Дальнейшие постановки были запрещены драматической цензурой.

²⁴ Федотов А.С. Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Тарту, 2016. С. 145.

²⁵ См. письмо к К.С. Веселовскому от 13 декабря 1867 г., где Потехин, посылая на рассмотрение свою очередную комедию «Виноватая», обращает внимание на то, что премьера пьесы уже состоялась (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1868. № 2. Л. 14).

тические характеры»²⁶. Отрицая драматические достоинства пьес Потехина, рецензент даже не пытался учесть позицию театральной публики его времени.

Итак, отзыв Анненкова, с одной стороны, представляет собою проницательную попытку одного из крупных русских критиков середины XIX века охарактеризовать тенденциозную драматургию в контексте современного исторического процесса и должен учитываться исследователями литературы и критики этого периода. С другой стороны, рецензия Анненкова показательна как эпизод из истории Уваровской премии, которая, хотя и предназначалась для драматургов, фактически была исключительно литературной: Анненков, как и большинство других экспертов, почти не принимал в расчет сценической специфики рецензируемого произведения. Награда за драмы неслучайно вручалась всего 4 раза (за «Грозу» Островского и «Горькую судьбину» Писемского в 1860 г., за «Грех да беда на кого не живет» Островского в 1863 г. и за «Разоренное гнездо» Д.И. Минаева в 1874 г.): поступившие на конкурс пьесы рецензировались таким образом, что большинство из них не могло пройти отбор просто в силу избранных комиссией и экспертами критериев.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1870. № 2. Л. 77.

ПРИЛОЖЕНИЕ

П.В. Анненков

**«Отрезанный ломоть». Комедия в четырех действиях
Алексея Потехина**

Рассказать содержание новой комедии г. А. Потехина значит отчасти определить и ее литературное значение. Дело тут вот в чем. Крестьянская наша реформа застаёт старого помещика-деспота Хазиперова в дурную минуту; она, ненавистная реформа¹ эта, вызывает еще и протест против насилий патриархальной власти в собственном его семействе. Впрочем, протест таился в нем и прежде¹. Сын Хазиперова уже давно покинул отцовский кров, разорвав все сношения с отцом и купив свою свободу ценою отречения от семейной помощи и поддержки. В доме Хазиперова оставалась жена, старуха Марья Васильевна, доведенная им рядом притеснений почти до идиотизма^{II}, и дочь Наташа, которую он воспитал в благоговейном уважении к родительскому авторитету, употребив для этого бедную, ограниченную и запуганную ее мать. Оградив таким образом свое спокойствие (на сына он уже махнул рукой), Хазиперов спокойно предавался всем своим животным инстинктам, нагло держал в доме любовницу, подлую немку Каролину Ивановну, требуя от домашних подобострастного уважения к ее особе, мучил и притеснял крестьян и проч., когда прогремел знаменитый указ 1861 года. Несмотря на все меры, возвещавшие о близости и неминучести его появления, Хазиперов, как оказывается из комедии, нисколько к нему не приготовился; мало того, из комедии оказывается также, что он намерен сопротивляться ему прямо и открыто. Крестьянская реформа является перед ним в лице молодого, скромного и настойчивого посредника Демкина, сына умершего взяточника-дельца, и этот Демкин, отродье подьячества, требует теперь уважения к правам человека во имя закона. Хазиперов попрекает его рождением от старого плута, угощает его шутовской сценой с дворовым мальчишкой, наученным болтать нелепые фразы о равенстве^{III}, и вообще оказывает сопротивление его требованиям, но совсем не в том виде, как выразилось у нас сопротивление реформе вообще, а в том дерзком, наглom виде, какой нужен для^{IV} сценического эффекта

^I *Вместо:* в собственном [...] и прежде — *было:* который, однако ж, и до нее таился в недрах его семейства.

^{II} *Вместо:* почти до идиотизма — *было:* до безгласного состояния измученной жертвы.

^{III} *Вместо:* нелепые фразы о равенстве — *было:* либеральные пустяки.

^{IV} *Далее вычеркнуто:* сомнительного.

и какой в жизни мог только явиться редким, чудовищным исключением¹. Демкин не ограничивается, однако ж, укрощением этого зверя мерами закона; он еще влюбляется в Наташу, и ко всем оскорблениям, которые невольно наносит Хазиперову исполнением своих посреднических обязанностей, присоединяет новое и самое чувствительное оскорбление: он просится прямо в родню к смиренному им деспоту. Окончательно выведенный из себя, Хазиперов выгоняет из дома посредника, укоряет и оскорбляет дочь, разрешается проклятиями на жену, ни в чем не повинную, и наконец препоручает весь свой дом и наблюдение за домашними — подлой немке Каролине Ивановне.

Борьба таким образом завязывается. Наташа, конечно, не вольна полюбить Демкина за одну золотую цепь, им носимую², а полагать надо — полюбила его скорее за гуманный образ мыслей, за великодушное отношение^{III} к людям, которое открыло ей совершенно^{III} новый мир идей и правил. Когда разразилась гроза в дому, она — эта робкая, ни к чему не приготовленная девушка^{IV}, сохраняющая целиком все представления и догм<ы>, которые были внушены ей с детства, и еще ужасающаяся отцовского проклятия, как небесной кары, устраивает тайное свидание с Демкиным и просит у него совета. Вместо совета и ободрения она получает от него непреклонную дилемму такого странного содержания, что в уме читателя возникает сомнение относительно гуманных качеств посредника. Демкин предлагает ей на выбор: или покинуть безнравственного отца и бежать из дома к свободе с ним, Демкиным, об руку, или оставаться на месте до тех пор, пока не отделается от всех своих нелепых семейных предрассудков, пока не воспитает в себе мужества для разрыва с своими верованиями: «Если вы не в силах будете переделать себя, — говорит Демкин, — и сделаться самостоятельной, если вы надломлены уже до такой степени, что в состоянии будете поработить себя капризной воле отца — тогда мы разойдемся. Это будет служить доказательством или вашей слабой любви ко мне, или вашей исключительной способности на одну только рабскую покорность, а ни того, ни другого я не хотел бы видеть в жене моей» (дейст. 2, явл. IV). Это спартанское внушение, избобличающее в Демкине прежде всего неспособность понять психическое состояние невесты, а потом неспособность быть ей руководителем вообще на жизненном пути, остается, к счастью, без последствий. Хороша была бы невеста в самом деле, если бы тотчас

¹ *Далее вычеркнуто:* Провинности Демкина перед старым деспотом еще не ограничиваются посредническими обязанностями; укрощая этого зверя путем закон.

^{II} *Вместо:* великодушное отношение — *было:* проповедь, надежду достичь.

^{III} *Вместо:* открыло ей совершенно — *было:* посеяло в ней надежду.

^{IV} *Далее вычеркнуто:* еще не отделавшаяся ни от [всех] одного из.

последовала внушению, и хорош был бы Демкин в глазах читателя, если бы почел себя очастливленным, получив немедленное согласие на свое предложение. Все остается, таким образом, по-старому, разве с одной только прибавкой. Демкин, получивший же оскорбление от Хазиперова, считает еще себя обманутым и оскорбленным в любви. Но по какому праву приписывает он себе страдание непонятого и обиженного человека в его душевных привязанностях, для нас не совсем ясно. Разве мы видели у него что-либо похожее на старанье воспитать мысль в любимой девушке, на нежную, заботливую обработку ее ума для того, чтоб открыть его к приему новых, разумных оснований, или по крайней мере таких, которые ему кажутся разумными, на усилие обеспечить ей разрешение вопросов, смущающих ее совесть? Читатель ничего подобного не видит. Вместо всего этого ему показывают только *меру*, придуманную Демкиным, меру, правда, очень практическую и радикальную¹, но отвергнуть грубую, крутую меру еще не значит обнаружить свою неспособность к развитию вообще и не значит насмеяться над всеми надеждами и ожиданиями человека. Разрыв связей по случаю непринятия *меры* даже и по службе не всегда может быть оправдан.

После объяснения Демкина все надежды на помощь на устройство и на развязку этого дела возлагаются, как Наташей, так и ее матерью, на молодого Николая Хазиперова, прибытие которого в деревню они ожидают с нетерпением. Он наконец и является в их объятья — это именно «отрезанный ломоть» и есть. Ему предстоит дать исход остановившейся комедии и найти удовлетворительное решение семейному вопросу, всех занимающему: оказывается, что он не способен ни к тому, ни к другому. Посредник Демкин, несмотря на все свои суровые дилеммы, должен еще считаться образцом гуманности и благородства перед ним. На другой же день своего приезда он устраивает демократическую сцену с крестьянами и берется хлопотать об их нуждах и требованиях перед отцом, но начинает с того, что отца, уже взбешенного демократической сценой, приводит окончательно в безумное состояние своим требованием удалить из дома немку-любовницу, которую чуть не называет тварью. Сцена выходит чересчур живая: она^{II} кончается поползновением старого Хазиперова прибить сына и многозначительным напоминанием последнего — воздержаться, ибо он уже не ребенок! По этому образцу его искусства в устройстве дел крестьянских и покорения матери легко уж догадываться, как «отрезанный ломоть» устроит и дело сестры, но здесь уже все ожидания читателя остаются далеко ниже того, что оказалось на деле. «Отрезанный ломоть» в сущности предлагает сестре опять радикальную *меру* Демкина, то есть бегство из дома, но сопровождает мудрый совет выра-

^I *Вместо*: и радикальную — *было*: или решительную.

^{II} *Вместо*: Сцена [...] она — *было*: Невыносимая сцена эта.

жением такого цинического презрения ко всем ее сомнениям, такого канибальского отвращения к страданиям ее совести и к степени ее развития, что наконец приводит в ужас и негодование даже и эту всеми запуганную девушку (дейст. 4, явл. III). Стоит только представить себе поотчетливее один наглый хохот, которым Отрезанный ломоть встречает известие о том, что сестра его еще боится отцовского проклятия — и вы поймете сущность этого характера, как он выражается в комедии. Это человек, находящий себе призвание в унижении другого, а не в преобразовании или поднятии его. Он приехал в деревню не для того, чтоб облегчать чьи-либо страдания или бороться с чьими-либо животными страстями; он приехал затем, чтоб одинаково позорить и те, и другие, чтобы в равной степени оскорблять притеснителей и притесняемых, потешиться одновременно над возникающим чувством человеческого права и сознания^I и над грубой властью, старающейся подавить их. Вот для чего сделал он длинный вояж из столицы и упал посреди комедии, начавшейся и кончившейся без него. Но, по крайней мере, аргументация Отрезанного ломтя носит, может быть, на себе признаки дикой силы и обнаруживает в нем нестерпимого, но даровитого^{II} софиста? Мы представляем здесь один образчик этой аргументации, который должен был, вероятно, по мнению учителя, окончательно освободить Наташу от ее понятий о долге, от сострадания к матери, лишаящейся в ней последней своей опоры, от страха за неправильный шаг в жизни, способный опозорить ее в собственных ее глазах: «Но подумай ты, — говорит молодой Хазиперов, — хоть о том, что вот мы двое, случайно встретившиеся, люди разной деятельности и, надеюсь, такие, в честности которых ты не сомневался, вот я — твой брат и он — твой жених, мы оба одинаково отвергаем то, что ты считаешь для себя каким-то святым долгом... Неужели это не заставит тебя поколебаться в твоих убеждениях и понять, что все, чему тебя здесь учили, во что ты привыкла бессознательно верить и чему так свято подчиняешься, есть ложь и обман, изобретенные самым суровым, всеподавляющим эгоизмом» (стр. 541). Какое скромное и вместе неотразимое доказательство правоты своих требований и убеждений. После^{III} этого изумительного аргумента становится ясно, почему Отрезанному ломтю нет никакой надобности и потребности вступать в дружелюбные сношения с людьми^{IV}, выслушивать и побеждать их возражения, щадить нежные струны их сердца и настраивать на новый лад их душу, беречь ее, как настоя-

^I *Вместо:* и сознания — *было:* на свободу и раз.

^{II} *Вместо:* и обнаруживает [...] даровитого — *было:* хотя и ложно направленной, но свидетельствующей [о] в нем замечательного бойца, но и.

^{III} *Вместо:* Какое скромное [...] После — *было:* Не более-не менее! Итак, после.

^{IV} *Вместо:* дружелюбные сношения с людьми — *было:* прения с низшими существами.

щий источник моральных преобразований¹. Весь этот кропотливый, заботливый и черный труд годен для обыкновенного человека, работающего вместе со всеми над собой и другими, но честный человек, сознавший себя выше других, потому что не понимает ничего кругом себя, может только требовать повиновения. Там^{II}, где нет повиновения, он подвигает людей к прогрессу оскорблением, презрением, циническим хохотом и поруганием всего их умственного и нравственного существа.

Из этого очерка легко заключить, что фигура молодого Хазиперова написана г. Потехиным очень ярко и выпукло; в приведенных строках мы выразили совсем не суждение о ее нравственном характере, а только впечатление, оставленное ею^{III} в уме читателя. Автор весьма тонко воспользовался и другой чертой этой фигуры. Подобно Демкину, молодой Хазиперов считает себя оскорбленным людьми. Он приходит в великое негодование, усматривая, что все сильные средства, употребляемые им для спасения ближних, ни к чему не приводят. Он ожесточается все более и более — по мере того, как яснее выказывается его неспособность справиться с задачей, которую принял он себя. Он останавливает следующими словами сестру, желающую именем матери удержать его от вторичного бегства из дома: «Прежде всего прошу тебя: пожалуйста, без громких фраз. Неужели ты ожидала, что я стану изъясняться перед тобой в нежности моих родственных чувств к вам? Кажется, мы уже давно отвыкли друг от друга, между нами нет ничего общего... а все эти нелепые родственные чувства есть не более, как результат привычки... Я вам совершенно чужой» и т. д. (стр. 534). Мало того: когда, по милости его, бедная, измученная сестра принимает уж на себя труд окончить это семейное дело, а с ним и комедию, когда ценою добровольного отречения от жениха, от Демкина, она очищает дом от негодной женщины, наполовину исправляет отца и действительно помогает матери, Николай Хазиперов находит и в этом акте отчаяния повод к убажанию себя... Он сперва хохочет, потом упрекает отца в неисцелимом жестокосердии, потом прибавляет в раздумье: «И для такого человека эта жертва приносится (*пожимает плечами*) Нет, я не понимаю вас... все в жертву одного человека... все... *Даровой, что ли, хлеб, праздная ли, беззаботная жизнь развивают в людях и такой эгоизм, и такое самоотречение... Нет, мне не ужиться с вами... Я чужой вам... Я отрезанный*

^I *Вместо:* их душу [...] преобразований — *было:* бояться, как огня, опасности оборвать их во все.

^{II} *Вместо:* человека [...] Там — *было:* моралиста, но честный человек, находящийся в обладании полной истины, может требовать только полного повиновения. Там.

^{III} *Вместо:* оставленное ею — *было:* остающееся неизбежно.

ломоть». Очень хорошо,¹ да только невольно приходит на мысль спросить эту олицетворенную гордость и это самоуслаждение: разве достаточно назвать себя отрезанным ломтем, человеком иного мира или чем-либо тому подобным, чтоб заставить простить себе вопиющую грубость чувства, совершенное непонимание явлений жизни и резкость приемов при беспомощном неумении справиться с какой-либо мало-мальски серьезной задачей, требующей благоразумия, размышления и настойчивости. Последней сценой автор дорисовал вполне образ молодого Хазиперова, хотя и в обыкновенной своей несколько грубой и резкой манере, без всяких теней и тусклых красок. —

Но здесь именно и возникает весьма существенный вопрос, от которого зависит в значительной степени и определение смысла^{II} комедии. Спрашивается именно — как сам автор или, что все равно, комедия его относятся к характеру выводимого Н. Хазиперова, Отрезанного ломтя, ими выведенного. Мы, к сожалению, должны сказать, что они просто никак не относятся к собственному своему созданию. Это большая ошибка, чтоб не сказать вина, перед публикой, часть которой, благодаря неуместной воздержности^{III} автора, приняла изображение Хазиперова *junior* за тип, выставленный на удивление и подражание, что, с одной стороны, доставило комедии весьма шумный успех на сцене, а с другой, навлекло ей горькие и незаслуженные порицания. При спокойном чтении и разборе произведения такого рода недоразумений быть не может, но дурно то, что при этом нельзя же отыскать и намерений писцы, основной мысли, из которой она возникла. Что хочет или хотела она сказать — остается тайной до последнего ее слова. Тут есть, конечно, своего рода выгода для автора, который, дозволив каждому толковать комедию по-своему, приобретает тем самым столько друзей, сколько есть мнений и его произведений, но эта выгода далеко не та, на которую вправе рассчитывать художнический талант. Хладнокровным, беспристрастным, объективным представлением лиц и предметов оправдаться при этом, кажется нам, нет никакой возможности. Права объективного представления не могут простираются до того, чтоб на создание лиц, которые, после долгого действия, разрешаются в неизвестную величину и ничего другого не оставляют за собой, кроме недоумения. Границы так называемого бесстрастного, объективного отношения писателя к своим созданиям, в сущности, не так обширны, как полагают или полагали многие. Никогда и нигде не освобождался он от обязанности определить *нравственный смысл* данного характера, данной физиономии, известно-

^I *Вместо*: Очень хорошо — *было*: Прелестно. — Пожалуй, и так.

^{II} *Вместо*: определение смысла — *было*: внутреннее значение.

^{III} *Вместо*: воздержности — *было*: скрытности.

го поступка, как бы велики ни были его усилия уравнивать свет и тени в своей картине или твердо держать весы художественного правосудия при изложении событий. Объективный писатель дает высказаться каждому явлению вполне, но вместе с тем, невольно и неизбежно, поясняет все то, что явление говорит собою и за себя. Но в комедии г. Потехина мы видим совсем не то. Автор ее, по всем признакам, сам не знает, что ему думать о главном характере, на котором движется его пьеса и от которого она получила свое название. Он выставил молодого Хазиперова напоказ, и, прибавим, выставил очень ярко, но при этом позабыл сказать, как он сам понимает¹ написанную им фигуру. Благодаря такому отсутствию взгляда на собственное дело, Отрезанный ломоть его мелькает перед глазами читателя, как флюгер. В разные мгновенья он показывается — то как новый вид грубого и дикого человека, ничем не отличающегося по натуре от своего безобразного первообраза — дурного помещика дофевральской эпохи, то как подобие карикатурной апофеозы некоторых псевдо-либеральных, мертвых и абстрактных^{II} учений, то, наконец, как выражение спутанных стремлений молодого общества к отысканию новых, лучших основ для жизни. На все это существуют намеки в комедии, но беда в том, что все они взаимно друг другом опровергаются. Автор никак не мог дойти до какого-либо заключения, и мы не знаем другой картины современных нравов, где бы в такой степени отсутствовал всякий луч сознательной оценки предмета, как здесь. Но из этого обстоятельства вытекают следующие немаловажные последствия. Так как автор утаил нравственный смысл своего произведения, предоставив отыскивать его всем и каждому, по личному их усмотрению, то комедия его может *нечаянно* встретиться с значительным успехом, как это действительно с ней и было, и так же *нечаянно* может встретиться с желчным, беспощадным осуждением, как это тоже с ней случилось, но в сущности она остается комедией без задуманной цели, без определенного намерения, а стало быть, и без вывода. Она может считаться как бы несуществующею, несмотря на иногда очень живые, характеристические и верные ее сцены. —

А между тем, не подлежит ни малейшему сомнению, что все намерения автора были вполне честны и чисты, в чем так несправедливо сомневались некоторые из его критиков³. Тут только мы видим художественную ошибку, а совсем не расчет на какие-либо примолкшие страсти или глухие направления, которым дается случай выказаться. Достоинство авторских побуждений открывается в его симпатиях ко всему слабому, осмеянному или пренебрегаемо-

¹ *Вместо*: но при этом позабыл сказать, как он сам понимает — *было*: причем для большего поражения глаз не соблюдена им и.

^{II} *Вместо*: абстрактных — *было*: аскетических.

му, начиная с крестьян и матери Хазиперова до Наташи, которую под конец он ставит выше всех ее советников, открывая в ее сердце и способности к самоотречению больше разума, чем в практических мерах, ей внушаемых.

Это не мешает, благодаря той же упомянутой нами ошибке, недоразумениям всякого рода, благоприятным и неблагоприятным для комедии, расти вместе с нею. К расположению недоразумений способствует немало и то обстоятельство, что самая тема комедии (преступление родительской власти и возникающий отсюда разбор ее прав) не есть простая жизненная тема, полученная автором прямо из непосредственного наблюдения общества и нравов, а скорее полемическая тема, добытая из знакомства его с современной публицистикой. Происхождение темы отразилось на ее исполнении. То, что мы называем жизненной темой, прямо и свободно полученной наблюдением, может, конечно, встретиться с вопросом публицистики, как и со всяким другим, и присоединить его к себе, но¹ богатство разнообразных данных и вообще содержания, которое ей свойственно, уже невольно держит читателя в границах истины и должной справедливости для всех лиц. Натура темы полемической или взятой из области публицистики гораздо своевольнее и воинственнее. Она уже требует от читателя резкого образа, требует представления неистовых сшибок между людьми и характерами для того, чтоб удержать перед светом свое значение; под опасением удержать настоящий смысл свой ей необходимо, чтоб автор, сделавшийся ее проводником в художественной литературе, постепенно и неуклонно отстранил всякую смягчающую и миролюбивую черту. Подобных тем полемического характера в известные эпохи общественного развития встречается очень много, и на них-то всего охотнее и кидаются второстепенные таланты, потому что для скорого и легкого успеха это самые благодарные темы. И во-первых, одна постановка вопроса составляет при этом почти половину всего дела, предпринятого автором, а другая половина заготовлена ему чужими руками, обработывавшими тему прежде него в публицистике. Таким образом, от автора почти ничего не требуется — ни соприкосновения с жизнью, ни особых усилий мысли, творчества и воображения: самого поверхностного наблюдения и нескольких ходячих типов тут уже за глаза достаточно. Мы не говорим еще о третьей премии, которую получает автор от выбора полемической темы:

¹ *Далее вычеркнуто:* 1) при разработке всяческих вопросов она одинаково дорожит всеми подробностями (*так!*) и существенные черточки; 2) она имеет еще свойство побуждать автора к отысканию таких подробностей и характерологических черт в явлениях, которые способны смягчить резкость и жгучесть всякого образа, либо богатство и разнообразие данных, которыми она владеет, не допускает автора побуждать.

большинство публики, предварительно ознакомившееся с нею, уже не затрудняется в понимании авторских целей и расположено относиться благосклонно к писателю, который дает ему случай тотчас же чувствовать себя *на высоте* предлагаемого вопроса. Между обоими устанавливаются дружелюбные отношения, как между старыми знакомцами, хорошо подготовленными к встрече, что не всегда случается с настоящими жизненными темами, полученными путем непосредственного созерцания общества. Те по большей части открывают мысли читателя совсем новым, неожиданным указаниям и требуют¹ усилий с его стороны для того, чтоб, по стопам разъясняющего их автора, додуматься до всего их содержания. В темах полемического свойства слишком тщательная литературная обработка даже и не желательна: она способна повредить успеху дела. Можно утверждать на основании верных данных и весьма убедительных примеров, что чем менее потрачено трудов на развитие такой темы, чем она ярче бросается в глаза своей наготой, тем положение автора перед значительным большинством публики выгоднее и прочнее: это доказывалось, между прочим, и теми совершенно *безыскусственными* драмами, которые, благодаря одному характеру своих задач, имели весьма значительный успех на нашей сцене. —

Нельзя скрыть, что резкое очертание характеров и положений, свойственное полемической драме, не чуждо и комедии г. Потехина. Она гораздо более криклива и шумна, чем убедительна. Помещик ее, старый Хазиперов, например, не носит на себе никаких признаков своего времени, не выказывает ни малейшей черты, которая напоминала бы об условиях существования, сделанных новыми обстоятельствами для подобных ему людей. Он прямо и начисто просится в олицетворение безграничной дикости, распутства и злобы, как будто они уже не приняли повсеместно маски лицемерия, смиренных жалоб и происков. Рисуя его, автор уже оставил в стороне все соображения о вновь народившихся идеях и порядках, под гнетом которых природные качества самодура должны были непременно видоизмениться, как, говорят, видоизменяется характер волка, когда он попадает в западню. Сама Наташа его не выросла еще до значения настоящего лица и тоже может назваться олицетворением одной стороны так называемого *женского* вопроса^{II 4}. Она чересчур занята толками о сущности родительской власти, слишком часто ставит тезисы о своем праве и долге, отчего самый подвиг самоотвержения, оказываемый ею, кажется в ней скорее

¹ *Вместо:* по большей части [...] требуют — *было:* непременно относятся к мысли читателя или зрителя и требуют.

^{II} *Вместо:* одной стороны так называемого *женского* вопроса — *было:* идеи о целях и средствах любящего женского сердца.

надуманным делом, чем естественным проявлением благородства ее природы. Она страдает несколько отвлеченно, гораздо более головой, чем сердцем. Она мыслитель-женщина и никак не может явиться просто женщиной, хотя автор и употребляет всевозможные меры для доставления ей этого почета. О брате ее Николае Хазиперове и говорить нечего: это символ известного общественного настроения, не обязанный иметь ничего свойственного отдельному, самостоятельному лицу. Свойство всех их как олицетворений оказывается в самой комедии рядом тех¹ резких, бездушных и беспощадных столкновений, какие могут встретиться только при борьбе общих мест, персонификаций и отвлеченностей, не наделенных живым организмом: ведь только миру живых, действительных существ доступно чувство меры и только там может возникнуть сомнение в правоте своего дела у каждого из борцов, и только там можно встретить людей, страдающих столько же от полученных ими ударов, сколько и от ударов, ими нанесенных. Главные лица комедии г. Потехина не испытывают ощущений подобного рода: они невыносимо-бесцеремонно обращаются друг с другом, как люди взаимно ничем не связанные на свете и только думающие, подобно животным различных пород, как бы осилить, пожрать и поглотить соперника. Драма и тут есть, как и во многих других примерах яростных битв органического царства, но это не та драма, которую выбирает обыкновенно искусство^{II}.

Всего замечательнее в настоящем случае то обстоятельство, что по многочисленным признакам, рассеянным в комедии г. Потехина, можно безошибочно заключить, что автор ее не только весьма умный, но и весьма опытный, *бывалый*, как говорится, человек, которому нельзя отказать также и в значительной доле литературного таланта. Действительно стоит только вспомнить сцены с крестьянами у мирового посредника, превосходный характер няни, ее разговор с Отрезанным ломтем на дворе боярского дома, составляющий, может быть, лучшее явление во всей комедии, чтобы признать за г. Потехиным не один талант легкого наблюдения, но и талант глубокого проникновения в настоящую, реальную жизнь народа. Ловкость, с которой ведется вся комедия, также не может быть оставлена без внимания. Что же помешало автору с помощью этих качеств достичь гораздо более важных результатов, чем какие теперь находятся у нас налицо? Повторяем — выбор полемической

^I *Вместо*: известного [...] рядом тех — *было*: расписанный весьма яркими красками. Когда все эти олицетворения приходят в движение и сталкиваются в комедии, то уже весьма естественно ожидать от них.

^{II} *Вместо*: как и во многих [...] искусство — *было*: но это драма города, отданного на грабеж и поругание после штурма: есть охотники любоваться и подобным зрелищем!

темы из области публицистики и подчиненное отношение автора к этой теме. Таких произведений *несвободного* творчества мы имеем, как сказали, очень много на нашей сцене, но все они до такой степени слабы по исполнению, ничтожны в подробностях и скудны талантом, что говорить о них можно только вскользь или по обязанности. Здесь совсем не то. Значительные средства, находящиеся в обладании у г. Потехина, привели его к тому, что он создал в этом фальшивом роде — нечто выходящее из уровня обыкновенной домашней нашей драматургии и обратившее на себя внимание. Присматриваясь ближе к его произведению, можно назвать комедию «Отрезанный ломоть» просто *шеф-дэвром* той драматической литературы, которая почерпает свои вдохновения не прямо в обществе и жизни, а в отражении их, производимом различными толками и воззрениями¹. Мы даже пришли к убеждению, что пройдет еще очень много времени, прежде чем явится драма, которая отобьет у «Отрезанного ломтя» честь быть представителем и высоким образцом произведений, основанных на этих началах^{II}. Качество своего рода шеф-дэвра и заставило нас остановиться на комедии г. А. Потехина подолее и рассмотреть ее здесь с некоторой подробностью. —

П. Анненков.

Печатается по автографу: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1866. № 2. Л. 44–51 об. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Подчеркнутые Анненковым слова и выражения выделены курсивом. Наиболее значимые варианты автографа приводятся в сносках. Отзыв датируется концом апреля 1866 г. по дате сопровождающего его письма.

¹ В пьесе Потехина описывается реакция героев на известие об отмене крепостного права. Анненков, как и большинство литераторов его круга, воспринял это событие как поворотный момент в истории России (см. развернутые отзывы об объявлении реформы и реакции на нее: *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. 1852–1874. С. 101–109).

² Золотая цепь была знаком положения мирового посредника.

³ Речь идет о негативном отзыве А.В. Никитенко на пьесу Потехина (см. выше).

⁴ Обсуждение проблем эмансипации женщин, в России особенно активизировавшееся после цикла статей М.И. Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» (1860).

^I *Вместо:* отражении их [...] воззрениями — *было:* толках и воззрениях кружков на то и другое.

^{II} *Вместо:* этих началах — *было:* ходячих представлениях русского быта, как журнальных и установленном его понимании той или другой школой.

Литература

Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок. Отд. 2. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1879. VII, 404 с.

Анненков П.В. Парижские письма / Изд. подг. И.Н. Конобеевская. М.: Наука, 1983. 608 с. (Литературные памятники).

Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. 1852–1874 / Изд. подг. Н.Н. Мостовская, Н.Г. Жекулин. СПб.: Наука, 2005. 532 с. (Литературные памятники)

Анненков П.В. Романы и рассказы из проstonародного быта // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подгот. А.В. Вдовин, К.Ю. Зубков, А.С. Федотов. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 360–385.

Ермилова Г.Г., *Тихомиров В.В.* П.В. Анненков — литературный критик // Русская литература. 1995. № 4. С. 27–49.

История русского драматического театра: В 7 т. Т. 5: 1862–1881. М.: Искусство, 1980. 552 с.

Никитенко А.В. Три литературно-критических очерка. СПб.: тип. Императорской академии наук, 1866. 81 с.

Панова Л.К. П.В. Анненков о жанровой специфике романа И.С. Тургенева // Художественный текст и литературный жанр: Межвузовский научно-тематический сборник. Махачкала: Дагестанский университет, 1980. С. 108–120.

Писемский А.Ф. Письма / Подг. текста и коммент. М.К. Клемана, А.П. Могилянского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. VIII, 925 с.

Потехин А.А. Отрезанный ломоть // Современник. 1865. № 10. С. 473–544.

Федотов А.С. Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Tartu: University of Tartu Press, 2016. 178 с.

Хартанович М.Ф. Награды графа Уварова в Императорской Академии наук // Академия наук в истории культуры России XVIII–XIX веков / Отв. ред. Ж. И. Алферов. СПб.: Наука, 2010. С. 312–334.

References

Annenkov P.V. *Vospominaniya i kriticheskiye ocherki. Sobraniye statey i zametok.* Otd. 2. St. Peterburg, Tip. M. Stasyulevicha publ., 1879. VII, 404 p. (In Russ.)

Annenkov P.V. *Parizhskkiye pis'ma*, ed. I.N. Konobeyevskaya. Moscow, Nauka publ., 1983. 608 p. (In Russ.)

Annenkov P.V. *Pis'ma k I.S. Turgenevu.* Book. 1, 1852–1874, ed.. N. N. Mostovskaya, N. G. Zhekulin. St. Petersburg, Nauka publ., 2005. 532 p. (In Russ.)

Annenkov P.V. “Romany I rasskazy iz prostonarodnogo byta”, «*Sovremennik*» protiv «*Moskvityanina*». *Literaturno-kriticheskaya polemika pervoy poloviny 1850-kh godov*, ed. A.V. Vdovin, K.YU. Zubkov, A.S. Fedotov. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2015, pp. 360–385. (In Russ.)

Fedotov A.S. *Russkiy teatral'nyy zhurnal v kul'turnom kontekste 1840-kh godov.* Tartu, University of Tartu Press, 2016. 178 p. (In Russ.)

Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra: in 7 vols. Vol. 5: 1862–1881. Moscow, Iskusstvo publ., 1980. 552 p. (In Russ.)

Khartanovich M.F. “Nagrady grafa Uvarova v Imperatorskoy Akademii nauk”. *Akademiya nauk v istorii kul'tury Rossii XVIII-XIX vekov*, ed. Zh. I. Alferov. St. Petersburg, Nauka publ., 2010, pp. 312–334. (In Russ.)

Nikitenko A.V. *Tri literaturno-kriticheskikh ocherka.* St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy akademii nauk publ., 1866. 81p. (In Russ.)

Panova L.K. P.V. "Annenkov o zhanrovoy spetsifike romana I.S. Turgeneva". *Khudozhestvennyy tekst i literaturnyy zhanr: Mezhvuzovskiy nauchno-tematicheskiy sbornik*. Makhachkala, Dagestanskiy universitet, 1980, pp. 108–120. (In Russ.)

Pisemskiy A.F. *Pis'ma*, ed., comm. M.K. Kleman, A.P. Mogilyansky. Moscow; Leningrad, AN SSSR publ., 1936. VIII, 925 p. (In Russ.)

Potekhin A.A. "Otrezannyy lomot". *Sovremennik*. 1865. № 10, pp. 473–544. (In Russ.)

Yermilova G.G., Tikhomirov V.V. "P.V. Annenkov — literaturnyy kritik". *Russkaya literatura*. 1995, № 4, pp. 27–49. (In Russ.)

P.V. Annenkov's Review of the Comedy *Otrezanny Lomot'* (Self-Sufficient Person) by A.A. Potekhin

Kirill Zubkov, Anastasia Pernikova

Abstract: The article considers and comments on the previously unknown P.V. Annenkov's critique of A.A. Potekhin's comedy "Self-Sufficient Person". The review was written by the critic in 1866 at request of the Academy of Sciences. Potekhin's play was nominated for the Count Uvarov's prize, an annual literature award adjudged by a special commission of the Academy of Sciences. Annenkov's opinion is of interest as a detailed analysis of the popular play written by one of the most famous critics of the time and as an episode of the history of the literature award. Like other experts, Annenkov (as well as many other experts) applies very strict criteria conditioned by the aesthetic theory of the mid-XIXth century which actually had very little to do with the reality of the Russian stage of the period.

Keywords: literary criticism, drama, literature awards, P.V. Annenkov, A.A. Potekhin.

Information about the authors: Kirill Yu. Zubkov; PhD, junior research fellow at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Associate Professor at Saint Petersburg State University; Saint-Petersburg, Russia. E-mail: k_zubkov@inbox.ru

Anastasia S. Pernikova; graduate student of Saint Petersburg State University; Saint-Petersburg, Russia. E-mail: anastasya_pernikova@list.ru